

Смерть как феномен философского осмысления

(культурно-антропологический и эзотерический аспекты)

Эта тема, как известно, является классической для философии. Ее обсуждает еще Сократ, принимая в конце своей жизни судьбоносное для себя и отчасти всей будущей европейской философии решение. Естественно, и меня она весьма интересовала, но непосредственным поводом еще раз задуматься о смерти явилось чтение замечательных лекций М. Мамардашвили о М. Прусте. Автор трактует жизненную задачу Пруста (и свою собственную) эзотерически, как "задачу, которую древние называли "спасением" [1, с. 11]. Он прямо связывает "спасение" с тем, что великий Платон обозначал как возможность философу "блаженно закончить свои дни", т.е. обрести бессмертие и божественное состояние души. "Следовательно, — пишет Мамардашвили, — когда я говорю про универсальную душу, то вы прекрасно понимаете, что это живое существо... Это - не в вас и не во мне, а между нами. В каком-то другом измерении... Там и есть топос или универсальная душа, о которой говорит Пруст. В привилегированные моменты нашего прикосновения к когитальной материи, из которой состоит универсальная душа, мы, замечает Пруст, чувствуем... что несомненным образом (это говорил еще Спиноза) бессмертны... Когда мистики говорили о бессмертии, они, пожалуй, единственные (в отличие от остальных религиозных людей) говорили точно, потому что говорили на эзотерическом языке... В моменты, когда мы прикоснулись к этой жизни, мы не только, по словам Пруста, знаем, что бессмертны как части универсальной души (как бессмертная половая клетка), но и... ощущаем себя абсолютными существами" [1, с. 308, 309].

Ощущаем себя "бессмертными" и "абсолютными существами" или *являемся* таковыми? Платон бы с уверенностью сказал, что именно "являемся" (правда, в конце пути обретя спасение). Но Мамардашвили выражается не ясно, заставляя подозревать себя в сомнениях. Главный же вопрос в другом: что это за традиция мысли и жизни, упорно воспроизводимая в течение более двух с половиной тысяч лет, и в каком смысле в наше время точных наук и инженерии имеет смысл говорить о бессмертии? Скорее уж можно понять Н. Федорова или В. Брюсова, веривших в физическое воскрешение умерших, которое призвано обеспечить развитие науки [2, с. 49].

Разумеется, и Платон, и Мамардашвили рассматривают бессмертие не как естественный феномен. Не случайно последний пишет об эзотеризме и мистике, об особом топосе универсальной души. Нельзя же игнорировать тот факт, что и биология, и физиология, и естественнонаучная психология настаивают на смертности и *конечности* человека как индивида. По истечении довольно краткого по сравнению с вечностью времени он умирает, и смерть лишает его всего, т.е. жизни.

Р о з и н Вадим Маркович - доктор философских наук, заведующий сектором Института философии РАН.

Но в *экзистенциальном* плане смерть - это не просто исчезновение индивидуальной жизни человека. Это вопрос о *посмертном существовании*, следовательно, о том, *как можно преодолеть страх перед смертью, как сделать смерть осмысленным и, может быть, даже творческим моментом жизни*. В каждое историческое время эти проблемы решаются по-своему. Тут как-то раз один мой известный верующий друг, философ и ученый, выступил в печати с серией статей о Вере и христианском спасении. А мой другой, неверующий друг (тоже философ) спросил его с изумлением: "Неужели ты серьезно веришь в вечную жизнь?". "Да! - с пафосом воскликнул мой первый друг. - Не только верю, но и постоянно благодарю бога за это изумительное ощущение - вечности своего личного бытия".

Кажется, что страх перед смертью был всегда, что это - неотъемлемое свойство человека. В ранней античной лирике у поэта Алкея (конец VII - начало VI века до н.э.) мы встречаем такие грустные строки:

... Не горюй же о смерти, друг.
Ты же ропщешь, - к чему?
Плач не плачь - неминуем путь.
Нам без жалоб терпеть
 Подобаеет утрату. Пусть
Свирепеет буран
И безумствует север. Мы
 Будем пить и хмелеть:
Нам лекарство от зол - вино [3].

Не менее грустны переживания "ученых и художников" империи ацтеков (хотя эта империя сложилась по европейскому летоисчислению в средние века, по уровню развития и типу культуры она была сходна с Шумеро-Вавилонской цивилизацией):

Куда мы идем, ай, куда мы идем?
Мы там мертвые или еще живем?
Приходит ли там снова существование?
Вновь наслаждение Дарителя жизни?

Подумайте об этом, о принцы Гуэхотцинко:
Даже если бы он был из яшмы, даже если из золота,
Также попал бы туда, где находятся лишненные плоти,
также попал бы в область тайны:
все погибнем, никто не останется [4, с. 227, 229].

Современные исследования показывают, что подлинный страх перед смертью и сопутствующие ему эмоции возникли не ранее второго тысячелетия до нашей эры. И вот почему.

В архаической культуре смерть понималась как уход души из тела. Главным для архаического человека являлось убеждение, что все люди, животные, растения имеют душу. Представление о душе в примитивных обществах (а они до сих пор существуют и находятся на стадии развития, соответствующей архаической культуре) примерно следующее. Душа - это тонкий, невещественный человеческий образ, по своей природе нечто вроде пара, воздуха или тени. Некоторые племена, отмечает классик культурологии Э. Тейлор, наделяют душой все существующее, даже рис (даяки). Душа, это легкое, подвижное, неуничтожимое, неумиряющее существо (самое главное в человеке, животном, растении - суть живого), обитает в собственном жилище (теле), но может и менять свой дом, переходя из одного места в другое.

Древний человек осмысливает с точки зрения анимистических представлений широкий круг явлений: смерть - это ситуация, когда душа навсегда покидает собственное тело, уходит из него; обморок - временный выход души из тела (когда душа

возвращается, человек приходит в себя); сновидения - появление в теле человека чужой души; создание произведений искусства - способ вызвать душу, чтобы вступить с ней в общение; и т.д. Подобные представления подсказывают, что нужно делать в каждом случае: мертвого будить бесполезно, зато душу умершего можно провожать в другую жизнь (хоронить); потерявшего сознание можно будить; чужую душу можно прогнать, а свою привлечь назад, помогая человеку очнуться от обморока, и т.д. Во всех случаях, пишет Тейлор, когда мы говорим, что человек был болен и выздоровел, туземец и древний человек сказали бы, что он "умер и вернулся". Туземцы Фиджи говорят, что если кто-нибудь умрет или упадет в обморок, "его душа может вернуться на зов" [5, с. 259-301].

Архаический человек спокойно воспринимает смерть, потому что смерть - это всего лишь смена места существования, "образ жизни" души после смерти не меняется. Поэтому архаический человек кладет в могилу все, что душе нужно для полноценной и радостной жизни: еду, оружие, украшения, позднее - любимую жену, коня и т.п.

Если архаический человек думал, что после смерти его душа просто переселяется в страну мертвых, где, по сути, все обстоит так же, как и в этой жизни, то люди следующей культурной эпохи (культуры древних царств, когда сложились большие государства - Древний Египет, Вавилон и др.) считали, что загробная жизнь существенно отличается от земной. Вот, например, как в "Эпосе о Гильгамеше" описан загробный мир, куда после смерти попадают души людей. Они идут

"В дом мрака, в жилище Иркаллы,
В дом, откуда вошедший никогда не выходит,
В путь, по которому не выйти обратно,
В дом, где живущие лишаются света,
Где их пища - прах и еда их - глина,
А одеты, как птицы, одеждою крыльев,
И света не видят, но во тьме обитают,
А засовы и двери покрыты пылью!" [6, с. 186].

Хотя посмертная жизнь, как мы видим, здесь существенно отличается от обычной, причем в худшую сторону, человек той культуры относился к этому stoически, принимая такое положение дел как естественный аспект своего существования, подобно тому, как мы сегодня говорим "такова жизнь". С одной стороны, он продолжает мыслить свою смерть в той же антропологической модели (как переход души из одного мира в другой); с другой - считает, что смена образа жизни души после смерти в худшую сторону закономерна и оправдана, поскольку так решили боги:

Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали [6, с. 138].

Спорить же с богами или подозревать их в несправедливости - так человек древних царств как носитель определенной культуры мыслить просто не мог.

На первый взгляд, многое переходит в культуру древних царств из предыдущих эпох: вера в души, демонов; идея жертвоприношения; одухотворение природных стихий. Но даже то, что перешло, понимается в этой культуре иначе. Центральными фигурами миросозерцания человека здесь являются боги. Большинство богов - это природные стихии и явления: Солнце, Луна, Океан, Небо, Земля, Огонь и т.д. Но одновременно боги являются сакральными существами, напоминающими царей, правителей, верховных жрецов. Они весьма похожи на людей, стоящих во главе

управления государством и народом. Сходство богов этой эпохи с царями и правителями бросается в глаза: подобно царям и правителям или жрецам древних царств они отвечают за те или иные строго определенные области человеческой деятельности. Одни боги следили за судьбой всего народа, другие - за судьбой какого-нибудь занятия или производства, четвертые - за судьбой отдельного человека. "Судьба" (например, шумерское "пат" - судьба, рок, ангел смерти) - весьма важное понятие этого периода, оно закрепляет функции богов. "Своя судьба, - пишет исследователь Шумеро-Вавилонской культуры И. Клочков, - есть у всего на свете: у божеств, у любого природного и социального явления, у всякой вещи и, наконец, у каждого человека. Судьба божества определяет его функции, "сферу деятельности", степень могущества и место в иерархии богов: одному суждено ведать формами для изготовления кирпичей, другому быть богом солнца. Природные явления воспринимались как манифестация того или иного божества: судьба каждого из этих явлений, по-видимому, и была судьбой соответствующего божества ("природа" грозы, например, воспринималась как судьба бога Адада и т.д.)" [6, с. 35].

Другое важное отличие новой ментальности от представлений предыдущих эпох заключается в осознании человеком собственной причастности к поддержанию жизни, мира и порядка. Человек архаической культуры зависел от духов, но и только, он не отвечал вместе с духами за жизнь и порядок на земле и на небе. Теперь совершенно другая ситуация: боги вместе с людьми должны следить за исполнением раз и навсегда установленных законов. Совместное участие людей и богов в поддержании жизни и миропорядка в культуре древних было закреплено с помощью мифов и сакральных преданий. Их сценарий примерно таков: боги создали мир и порядок, заплатив за это своей жизнью или кровью, а в благодарность люди должны приносить богам жертвы и исполнять установленные ими законы. Однако эти законы были для человека, и боги жили не для собственного удовольствия, а служили человеку.

Человек культуры древних царств уверен, что мир, порядок поддерживаются судьбой, богами, жертвой, законом. Их живое олицетворение - царь или верховный жрец, они связывают земной мир с миром божественным, следят за соблюдением закона, регулируют жертвоприношения. До тех пор пока установленные законы соблюдаются, приносятся жертвы богам, оказываются почести царю и жрецам, беспрекословно подчиняются им - мир существует; если же хотя бы одно из этих звеньев разрывается, мир угрожающе накреняется. Понятно, что в каждой древней культуре (Египта, Вавилона, Индии, Китая) это мировоззрение принимало своеобразные, неповторимые формы.

В рамках подобного мировоззрения человеку не приходило в голову сомневаться, что боги правильно устроили мир. Божественный сценарий предусматривал бессмертие богов и смертность людей. Люди лишаются всего после того, как душа покидает тело. Что по этому поводу было горевать? Разве человек переживает по поводу плохой погоды? А ведь боги для людей той культуры были более могущественны и независимы от человека, чем погода для современного.

Тем не менее примерно к II—I тысячелетию до н.э. человек начинает достаточно остро переживать мысль о неизбежности смерти. Это было связано прежде всего с формированием индивидуальности, личности древнего человека.

Естественно предположить, что в культуре древних царств поведение рядового человека было детерминировано. На одной из глиняных табличек в Шумере написано:

"Идешь на поле сражения, не размахивай руками.
Герой один - единственный, а людей (обычных) тьма" [6, с. 149].

Однако полной детерминированности жизни все же не было. Да, каждый человек занимал свое место и выполнял свои функции: один был царем, другой - воином,

третий — земледельцем, четвертый - рабом. Но по мере "старения" культуры, особенно начиная с III-II тысячелетия до н.э., случалось все больше бунтов, царских переворотов, частые войны тоже могли все поменять, наконец, кое-что зависело и от самого человека: одни были удачливы, другие - нет, одни - трудолюбивы, другие - не очень, кто-то становился фаворитом, богачем, а другой разорялся. Тем не менее жизнь отдельного человека была настолько детерминирована, что повсеместно существовала своеобразная практика расчета индивидуальной судьбы человека, основанная на сложившихся в период расцвета культуры древних царств представлениях о личных отношениях человека с богами.

Например, в Вавилоне каждый человек имел "личного бога" и "личную богиню", а также двух духов-хранителей. Личный бог, считал вавилонянин, принимает участие во всех делах человека, хранит его жизнь и благополучие, определяет судьбу [6, с. 45]. Отношения с личными богами заходили иногда столь далеко, что люди даже обращались к ним не только с молитвой, но и с письменной просьбой. Вот одно старовавилонское письмо, адресованное личному богу:

"Богу, отцу моему, скажи! Так говорит Апилль-Адад, раб твой: что же ты мною пренебрегаешь? Кто тебе даст (другого) такого, как я? Напиши богу Мардуку, любящему тебя: прегрешения мои пусть он отпустит. Да увижу я твой лик, стопы твои облобызаю. И на семью мою, на больших и малых взгляни. Ради них пожалей меня. Помощь твоя пусть меня достигнет" [6, с. 46].

Адресат просит личного бога замолвить за него слово перед верховным богом Мардуком. Помимо личного бога человек зависел от многих других, уже, так сказать, общинных богов: космических (Мардук, Иштар), государственных (династических), богов города, богов квартала, богов, отвечающих за отдельные стороны человеческой жизни или даже за отдельные занятия.

Ощущение жизни и чувства человека этой культуры существенно отличались от современных. Так как богами были многие планеты и звезды, которые можно было постоянно наблюдать на небе, и так как именно боги определяли судьбу человека, возникла мысль, что наблюдения за небом, планетами и звездами есть ключ к разгадке судьбы человека. Постепенно сложилась практика расчета судеб, а также "хороших" и "плохих" дней. Однако вспомним, что и сами боги имели судьбу, подчинялись ей. Что же тогда представлял собой расчет судьбы отдельного человека? Вероятно, некоторый *индивидуальный сценарий функций человека*, составленный (что принципиально!) *на основе знания общих функций* данного сословия, данной социальной группы. Человек мог повлиять на свою судьбу в этих пределах. "Некоторые, - читаем мы в текстах ацтекских жрецов, - несмотря на благоприятный знак, под которым родились, вели себя лениво - они жили несчастливо" [4, с. 215]. Другие, напротив, несмотря на неблагоприятные знаки, "сами себе выговаривали", и дела у них шли хорошо.

Известно, что в период культуры древних царств возникли первые школы и учителя. В древнем Вавилоне учитель (он же и писец) учил детей писать на глиняных табличках, считать, вычислять площади полей, объемы земляных работ, вести наблюдения за движением планет и звезд. Учитель в те времена значил больше, чем теперь. Это был не только преподаватель предмета, но прежде всего человек "мудрый", "знающий" в делах божественных. Вот, например, о чем свидетельствуют тексты ацтеков: "Ученый (т.е. учитель. - В.Р.) это: свет, факел, большой факел, который не дымит. Он продырявленное зеркало. Ему принадлежат черные и красные чернила, принадлежат кодексы. Сам он есть письменность и знание. Он путь, верный путеводитель для других. Подлинный учитель аккуратен (как врач) и хранит традиции. Он тот, кто обучает, он следует основе. Он делает мудрыми чужие лица, заставляет других приобретать лицо и развивает его. Он открывает им уши и просвещает. От него мы зависим. Он ставит зеркало перед другими, делает их разумными, внимательными, делает так, что у них появляется лицо. Он одобряет каждого, исправляет и наставляет. Благодаря ему желания людей становятся гу-

манными, и они получают строгие знания. Он одобряет сердце, одобряет людей, помогает, выручает всех, исцеляет" [4, с. 83, 84].

Поясним. "Смотреть сквозь продырявленное зеркало" (как боги на дела людей) - это значит видеть скрытое, знать все наперед, управлять. "Лицо" же у ацтеков противопоставляется "сердцу" как две характеристики одного человека: лицо - то, что дается воспитанием и обучением, а сердце - стихия желаний. Зрелый, воспитанный человек, по убеждению ацтеков, должен овладевать своими желаниями (сердцем) и стать мудрым, знающим.

Зрелый человек имеет сердце.
Твердое, как камень, мудрое лицо.
Он хозяин своего лица, у него
Ловкое и понятливое сердце [4, с. 245].

Анализ текстов показывает: *функции учителя и личного бога отчасти совпадают*. Это помощь, лечение, совет, знание, ум и т.п. Но учитель делает больше, он передает человеку "правильное лицо", развивает его. Человек становится "хозяином своего лица", он "видит себя в зеркале", он "мудр".

Конец II - начало I тысячелетия до н.э., как мы уже отмечали, - это период упадка культуры древних царств. Однако мироощущение человека пока остается прежним, и именно это рождает сложные проблемы и коллизии. Человек видит, что мир и космос рушатся, он пытается это осмыслить и не может. Ведь за порядок в мире отвечают прежде всего боги, но они делают что-то непонятное. Распространенными становятся мотивы сомнения и горечи. В известных, можно даже сказать, популярных в этот период старовавилонских текстах "Невинный страдалец" и "Вавилонская теодицея" можно прочесть:

"Ты ведь стоишь на земле, замыслы бога далече"
"Научишь ли бога ходить за тобой, как собаку?"
То он хочет от тебя обрядов, то "Не спрашивай бога!"
То чего-то иного" [6, с. 122, 140].

А вот горькие размышления о поведении главного бога ацтеков: "Господин наш, хозяин непосредственной близости. Думает то, что хочет, решает и развлекается. Как он хотел бы, так и захочет. В центре своей ладони он нас держит и передвигает по своему желанию. Мы движемся, кружимся, как шарики, без направления он нас передвигает. Мы предмет его развлечения: он над нами смеется" [4, с. 217, 218].

Человек эпохи заката культуры древних царств не понимает, почему боги перестали выполнять свои обязанности, хотя человек делает все, что положено. Зато много других людей, прямо нарушающих божественные заветы и законы, живут припеваючи:

Что хорошо человеку - преступленье пред богом,
Что для него отвратительно - хорошо его богу!
Кто волю богов в небесах узнает? [6, с. 120].

Вот до чего договаривается растерявшийся человек!

Для предыдущих эпох это было прямое кощунство, отрицание богов. Но теперь человек уже не рассчитывает на них, мироздание рушится, он остается один на один с собой. А это, вероятно, еще одно из условий рождения личности, человеческой индивидуальности: коль скоро человек не может опереться на богов, он ищет опору в себе самом, в своей душе.

Таким образом, рассмотренный здесь материал позволяет предположить, что примерно ко второму тысячелетию до нашей эры формируется *индивидуальность, личность* человека. Действительно, жизнь человека воспринимается теперь не только

эмпирически (что-то произошло, что-то человек сделал), но интерпретируется в языке, общем для всех людей, - в языке божественных действий и событий. В этом языке жизнь человека описывается, задается как целое (в частности, в форме расчета судьбы). Фигуры личных богов и учителя, а также моральные рекомендации (типа "зрелый человек имеет сердце твердое, как камень, мудрое лицо, он хозяин своего лица, у него ловкое и понятливое сердце") создают то, что мы сегодня называем разумом (конечно, вкладывая в это иной смысл).

Необходимыми условиями складывания личности в древнем мире были создание человеком "образа себя", включавшего представление о своей жизни в целом и два таких свойства человека, как желания и разум, а также формирование представления об индивидуальном "Я". (Последнее хорошо просматривается в текстах "Вавилонской теодицеи" и "Невинного страдальца".) Формированию целостного представления об индивидуальной жизни способствовало также древнее представление о времени. Например, для вавилонян время текло из будущего в прошлое. Поэтому все, что могло произойти в жизни в будущем, понималось как втекающее в настоящую и прошедшую жизнь. В результате возникал образ целостно текущей жизни.

Теперь мы можем вернуться к проблеме смерти. Приведенная реконструкция позволяет утверждать, что к рассматриваемому периоду человек осознает себя в двух антропологических моделях: в древней модели души и в новой модели личности. В первой модели смерть - это переход из одного мира в другой и лишение (жизни), во второй — острое переживание личностного состояния лишенности. Именно осознание смерти в двух этих разных антропологических моделях и порождает страх перед смертью и драматические ее переживания. В той структуре личности, которую мы только что рассмотрели, исчезновение жизни может восприниматься одним способом - как страдание, боль, страх. Посмотрим теперь, как была разрешена эта ситуация в античности.

Пифагор учил, что есть три типа существ: "смертные люди", "бессмертные боги" и существа, "подобные Пифагору". Пифагорейцы и позднее Платон стали утверждать, что человек, подобно античным героям, может "блаженно закончить свою жизнь", т.е. преодолеть смерть, стать бессмертным, ведя особый образ жизни - героический (эзотерический). Именно в этом состоит цель жизни мудрых (философов). На пути к бессмертию необходимо, однако, совершить подвиги: вести аскетический образ жизни

и, как ни странно, познавать природу, числа и чертежи.

Первый практический шаг на пути к преодолению страха смерти и новому ее пониманию делает Сократ. Заканчивая свое выступление на суде, он ставит вопрос так: "А вот я вам скажу: похоже, в самом деле, что все это произошло к моему благу, и быть этого не может, чтобы мы правильно понимали дело, полагая, что смерть есть зло" [7, с. 95]. Сократ доказывает, что смерть действительно есть благо или как сладкий вечный сон ("Так если смерть такова, я со своей стороны назову ее приобретением, потому что таким образом выходит, что вся жизнь не лучше одной ночи" [7, с. 95] или как удивительное общение (сравнимое, пожалуй, только с "блаженством") с замечательными умершими мужами Греции, которых, замечает Сократ, там не убивают за поиски мудрости, "потому что помимо всего прочего тамошние люди блаженнее здешних еще и тем, что остаются все время бессмертными" [7, с. 96].

Итак, преодолевая пессимистическую традицию, Сократ утверждает, что смерть не есть лишенность жизни, а, напротив, благо и жизнь. Второй шаг, который Сократ предпринимает, не менее существен: утверждая бессмертие личности, он отбрасывает архаическую анимистическую модель человека. "Но и вам, о мужи судьи, - вещает Сократ, - не следует ожидать ничего дурного от смерти, и уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах" [7, с. 96]. "Хороший человек", по Сократу, - это человек, стяжающий мудрость и потому бессмертный.

Следующий, уже полностью эзотерический шаг делает Платон. Еще в самом

начале творческого пути деятельность Платона определяли три момента: формирующееся под влиянием пифагорейского учения эзотерическое мироощущение; ценностная ориентация на восточные (в частности, древнеегипетские и вавилонские) идеалы жизни и отношение к софистам и натурфилософам.

По сути, Платон пытался решить сразу несколько задач: обрести бессмертие, уподобившись богам; найти альтернативу софистам и натурфилософам, сделавшим сомнительной мудрость; перенести на античную почву восточные идеалы, в частности образы божественного бытия и порядка. На способ разрешения этих задач Платоном повлияли два обстоятельства: переосмысление архаической идеи души и переход от простых рассуждений к доказательству, т.е. к рассуждению, основанному на определенных фиксированных нормах (правилах, законах) мышления. Архаическую душу, переходящую подобно стихии из тела живого человека в царство Аида (правда, не без помощи богов), Платон трактует как душу человека, который в силу *активного отношения к себе способен влиять на свою душу*. Без сомнения, это - эзотерическая идея. Эзотерик считает, что он способен изменить себя за счет собственных целенаправленных усилий. М. Фуко, в частности, приписывает Платону создание концепции "эпимелия" (epimeleia, древнегреч., "забота о самом себе"). Согласно Фуко, это особое отношение к себе, миру и другим людям, переключение внимания с внешнего мира на себя и забота о самом себе, предполагающая "изменение, очищение и преобразование себя" [8, с. 285].

Душу человека Платон понимает как божественное существо (родственное божественному миру), и в этом смысле душа выступает как носитель бессмертия. Основная проблема в том, как проявить для человека бессмертное качество его души, как заставить душу двигаться не в царство Аида, а в противоположном направлении - к свету, богам, бессмертию.

А каким образом Платон вводит доказательства, можно видеть в диалоге "Парменид". Он показывает, что возможно преодолеть апории, если сначала уяснить непротиворечивость и упорядоченность мира идей, божественного мира, мира света, разума, бессмертия и порядка, и затем внести эту непротиворечивость и порядок в мир обычный, мир вещей и видимых изменений. С современной точки зрения мир идей Платона - это нормы рассуждения, но одновременно это мир истинный, эзотерический. Получается так: шаг, который с логической точки зрения выглядит как переход к доказательству, с жизненной позиции суть признание двух миров (обычного и эзотерического).

Теперь все готово, чтобы понять замысел Платона: человек может "блаженно закончить свои дни", т.е. стать бессмертным, если он обратится к своей душе и создаст для нее условия, возвращающие ее божественную природу. Для этого он должен проделать *путь познания, уяснить мир с помощью доказательств, чисел и чертежей*. "Когда же душа, - говорит Платон устами Сократа, - ведет исследование сама по себе, она направляется туда, где все чисто, вечно, бессмертно и неизменно, и так как она близка и сродни всему этому, то всегда оказывается вместе с ним, как только остается наедине с собой и не встречает препятствий. Здесь наступает конец ее блужданиям, и в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным она и сама обнаруживает те же свойства. Это ее состояние мы и называем размышлением" [9, с. 35; 10, с. 311]. Но почему именно наука и философия и есть тот мир, где душа обретает свою божественную природу, мир чистоты, вечности, неизменности? Вспомним восточные пристрастия раннего Платона и то, как греки понимали деятельность египетских и вавилонских жрецов. Ведь они думали, что когда жрецы вычисляют, рассказывают о природе или небе, они занимаются наукой и философией. Но поскольку при этом жрецы говорят о жизни богов или о том, как боги устроили мир, очевидно, что именно занятие наукой и философией приобщает человека к мудрости, а его душу - к божественному миру. Естественно также, что божественный мир вечен и чист, а неизменен и постоянен он потому, что выступает как *норма* по отношению к обычному миру.

Но вернемся к проблеме смерти. Что же сделал великий философ? *Полностью сменил антропологическую модель человека.* Согласно Платону, человек, который хочет блаженно закончить свои дни, т.е. стать бессмертным, должен всю жизнь работать над собой, чтобы проявить свою божественную природу. Иначе говоря, человек - это *эзотерическое существо*, его божественная сущность проявляется в работе над собой, в совершенствовании, в направлении себя по такому пути, который ведет в божественный мир. Человек как *потенциальный бог*, как *раскрывающийся бог*, как *путь в божественный мир*, как *духовная работа*. В этом случае, утверждает Платон, смерть - благо, но не потому, что это сон или рай, а потому, что для духовного (эзотерического) человека смерти не существует. Важно и то, что, по Платону, духовная работа, нацеленная на достижение бессмертия, — это работа культурная (занятие философией, наукой, искусством, т.е. превращение этого мира в подобие мира подлинного). Здесь может возникнуть вопрос: не является ли решение Платона утопическим, поскольку предполагает обожествление человека? Но важно другое: человек утрачивает страх смерти, перед ним открывается бесконечная и вдохновляющая жизненная перспектива - обретение бессмертия, он реально улучшает себя и работает на культуру. Великолепное решение! Но для этого требуются по меньшей мере три необходимых условия: вера в существование богов и подлинной реальности, а также установка на эзотерическую работу.

Ситуация повторялась в Новое время: человек, может быть, еще более остро переживает смерть и боится ее. Осознание жизни и переживание смерти происходят в *двух разных по природе антропологических моделях*. Одну модель обычно называют "моделью новоевропейской личности". В ее рамках человек значительно сильнее переживает состояние лишенности жизни. Другую модель можно назвать "моделью естественнонаучного человека", поскольку в Новое время человек воспринимается также и как объект естественных наук (биологии, физиологии, психологии). С точки зрения второй модели смерть есть *полное лишение, даже исчезновение*, которое в первой модели воспринимается как своеобразное убийство, мучение, насилие над живой личностью.

Новоевропейская личность, конечно, существенно отличается от личности древнего человека. Последний понимал жизнь и свободу только в рамках миропорядка, установленного богами, и этим были ограничены его разум и желания. Новоевропейская личность "сняла", переработала в себе личность древнего человека, античную личность с ее ориентацией на мифологическое мышление, средневековую соборную личность, для которой образцом человека выступал Христос, и, наконец, ренессансную личность, претендовавшую на роль Бога или, во всяком случае, херувима. Новоевропейская личность осознает себя центром мира, понимает свою жизнь и состояния как принадлежащие только ей, свои разум и свободу как направляемые только ею самой, видит свою жизнь как текущую из прошлого в будущее и т.п. (я не ставлю своей целью углубляться в эту поистине бесконечную тему).

Современный узел переживания смерти завязан еще туже, чем это было три тысячи лет тому назад. Во-первых, современная модель новоевропейской личности (правда, на не совсем ясных основаниях) включает в себя естественнонаучную модель человека. Во-вторых, современный человек более, чем древний, склонен жить условными, так сказать, "виртуальными" ображениями. К этому его постоянно приучают телевидение, кино, театр, художественная литература, собственные размышления и фантазии. Переживание своего посмертного существования - одна из любимых тем современного человека.

Можно ли вновь развязать узел переживаний смерти эзотерическим способом? Мамардашвили, например, мыслит именно в этом ключе. Но многих вряд ли устроит такой ход мысли, поскольку для них может оказаться чуждым эзотерическое мироощущение или данный конкретный вариант эзотеризма.

Вряд ли сегодня можно найти одно решение, устраивающее всех (кстати, и решение Платона устраивало не каждого). Мамардашвили подсказывает здесь сильный ход. Мы считаем, пишет он, что "Христа распяли и его агония случилась. А мистическое ощущение - это ощущение себя присутствующим во всем мире, во всех событиях мира; они случаются тогда, когда я присутствую. И поэтому распятие Христа принадлежит человеческой истории в той мере, в какой оно есть длящееся или неслучившееся событие, внутри которого мы не должны спать. Это событие длится вечно" [1, с. 302]. Лично я понимаю это так: все волнующие меня проблемы и решения нельзя получить готовыми со стороны, пусть это даже гениальные прозрения; к ним нужно прийти самому, прийти в работе, возможно, и не один раз. Так же и проблема смерти. Каждый человек в течение своей сознательной жизни должен решать ее сам и не раз.

Однако можно указать коридор, в котором располагаются современные решения этой касающейся каждого проблемы. Предыдущий анализ показывает, что смерть как экзистенциальный феномен не может быть рассмотрена в том ключе, в котором мы изучаем природные явления. Ее нельзя мыслить как натуральный объект, как некую сущность, имеющую такие-то и такие-то характеристики. Безусловно, мы проникаем в свои представления, начинаем их мыслить и переживать как натуральные объекты, нам кажется, что смерть всегда была и всегда одинакова. Этот взгляд, эта привычка нашего сознания неправильны, смерть вообще *не природный объект*, смерть всегда воспринимается сквозь "очки культуры", всегда истолковывается сознанием и в определенном языке. Таким образом, современное понимание смерти предполагает ее "распредмечивание", преодоление натурального восприятия, что, конечно же, предполагает напряженную интеллектуальную, и не только интеллектуальную, но и экзистенциальную работу.

Что может представлять собой подобная работа? Здесь есть два аспекта: *критический* и *конструктивный*. Критическое осмысление смерти (повторяем, самостоятельное осмысление, а не готовое знание) показывает, например, что лишенность и исчезновение связаны не только со старением и летальным исходом. Мы можем так построить свою жизнь, что она постоянно будет усекаться и страдать, мы можем сделать свою жизнь просто невыносимой при цветущем физическом здоровье. Наша жизнь уничтожается и исчезает и в том случае, если мы не можем себя реализовать (поэтому, кстати, многие люди, дожившие до весьма преклонного возраста, панически боятся смерти, ощущая, что их жизнь пролетела, как сон, и они совсем еще не жили). Но и продолжение жизни за определенным порогом (когда уже полностью иссякли силы и энергия или мучат тяжелые болезни, совесть и т.п.) может быстро подтачивать жизнь, сделать ее невозможной, а смерть - желанной. Короче, и жизнь, и смерть можно увидеть и пережить по-разному.

Не менее существенно, как мы строим свою жизнь и понимаем себя. Если, например, я полностью себя реализую, живу Культурой и Вечным (как бы Вечность ни понимать - как тайну, Бога, духовную жизнь), поддерживаю свое здоровье, то смерть как лишение жизни для меня просто не существует. Мне нечего бояться: живя Вечным, я бессмертен; полностью себя реализовав в жизни, сохранив и исчерпав до конца свое здоровье, я уйду безболезненно и спокойно. При этом я должен понимать себя не только как конечное и поэтому смертное существо, но и как *часть, момент Целого* (Культуры, Духа, божественной или космической жизни, Реальности и т.п.), как *творца собственной жизни, полностью присутствующего в вечно длящихся и неслучившихся событиях Жизни*.

Однако это *мои* размышления о жизни и смерти, *мой опыт*. А каждый должен приобрести свой, пройдя нелегкий путь. Только так можно надеяться спокойно выдержать взгляд этой таинственной миледи с косой и жить, не боясь смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мамардашвили М.* Лекции о Прусте. М., 1995.
2. *Брюсов В.* Письмо в ответ на вопрос // Вселенское дело. Одесса, 1914. Вып. 1.
3. Англичская лирика. М., 1968.
4. *Леон-Портилья М.* Философия Нагуа. М., 1961.
5. *Тейлор Э.* Примитивная культура. М, 1939.
6. *Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983.
7. *Платон.* Апология Сократа. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1994.
8. *Фуко М.* Герменевтика субъекта // Социо-Логос. М., 1991.
9. *Платон.* Федон. Т. 2. М., 1993.
10. *Платон.* Государство. Т. 3. М., 1994.

© В. Розин, 1997